

Тоёфуса Киносита
Университет Чибя

Значение ретроспективного подхода в противоположность хронологически-перспективному подходу к жизнеописанию Ф.М. Достоевского

По поводу жизнеописания Достоевского я хотел бы предложить ретроспективный подход в противоположность хронологически-перспективному подходу, традиционно принятому в изучении биографии писателя.

В хронологической перспективе элементы текущей жизни писателя рассматриваются во временном причинно-следственном порядке и уходят в прошлое, исчезают из поля зрения; проще говоря, московская старомодная семейная культурная жизнь Достоевского в детстве “подчиняется” новым веяниям западноевропейской цивилизованной культуры петербургского периода России. В результате, юный писатель, заражённый модными европейскими идеями утопического социализма, оторванный от русской почвы, переживает идейный срыв в связи с делом петрашевцев; вслед за тем на десятилетней ссылке в Сибири Достоевский испытывает нравственное возрождение под влиянием встречи с духовным миром простого народа и во втором периоде его жизни находит идейный путь – “почвенничество” с православной христианской ориентацией русского народа как нравственную опору. Не вдаваясь в подробности, именно такую картину жизни писателя можно представить при использовании хронологически-перспективного метода.

Теперь в противоположность этому подходу, я хотел бы ретроспективно проследить жизнь Достоевского. Мы можем найти поддержку этого подхода в словах самого писателя в последний период его жизни. Как известно, писатель придавал большее значение силе детских воспоминаний человека. Достаточно вспоминать речь Алёши мальчиком в финале романа *Братья Карамазовы* и ряд высказываний на эту тему в *Дневнике писателя*.

По убеждению писателя, идентичность человеческой личности формируется и сберегается на протяжении всей жизни благодаря сохранившимся эпизодам его воспоминания.¹ Через ряд эпизодов, записанных в

1 О значении воспоминания детства в творчестве Достоевского, см. ст. “Воспоминание

воспоминаниях писателя, и героев в произведениях, по-моему, можно постичь “подпочвенный”, ещё до сих пор недостаточно освещённый Достоевскими скрытый пласт биографических элементов писателя. Этот пласт глубоко связан с нравственным менталитетом русских интеллигентов, воспитанных в детстве в семье на религиозно-культурной народной традиции, а также в юности в кругу друзей.

В современном достоеведении этой проблемой занимается О.А. Богданова. Исследовательница, ссылаясь на понятия «надыдейная точка» или «надыдеологический» авторский план в «пяти великих романах» Достоевского, впервые предложенные Г.С. Померанцем, отмечает: «мы связываем его существование с погружённостью автора в духовно-душевную атмосферу русского национально-религиозного “предания”, включающего в себя как языческие (по сути дела, мифологические), так и православно-христианские (собственно религиозные) элементы».²

Состоятельность этого понятия объясняется литературоведом термином «усадебная культура», который О. Богданова использует для описания реалий социокультурного явления в русской истории “петербургского периода”, суть которого заключается во «взаимопроникновении и взаимопонимании дворянско-западнического и крестьянско-патриархального типов сознания».³

Считаю важным указание исследовательницы на уникальную роль Достоевского в русской литературе относительно «идеала исихазма». Она отмечает позицию Достоевского:

Он единственный из больших русских писателей увидел и признательно воплотил в крупных художественных произведениях (прежде всего в романе *Братья Карамазовы*) культурные потенции и антропологический идеал исихазма – древней духовной традиции византийского и русского православия, ушедшей в подпочву русской церковной жизни в результате вытеснения иосифлянством и идеей “симфонии” Священства и Царства (т.е. “освящения”, сакрализации мирской власти) в XVI веке...».⁴

спасет человека!” в сб. ст.: Тоёфуса Киносита, *Творчество Ф.М. Достоевского. Проблема авторской позиции* (Санкт-Петербург: Серебряный век, 2017), с. 29-36.

2 Ольга А. БОГДАНОВА: *Под созвездием Достоевского* (Москва: Изд-во Кулагиной Intra-da, 2008), с. 14.

3 Там же, с. 15, примечание 2.4.

4 Там же, с. 16.

В романе *Братья Карамазовы* в келье старца Зосимы старец-исихаст указывает Ивану: «Идея эта еще не решена в вашем сердце и мучает его». По поводу эпизода этого знаменательного прозрения старца О.А. Богданова в своем анализе делает убедительный вывод:

Из слов же старца-исихаста очевидно, что «решаются» судьбоносные «идеи» не в «уме» человека, но в его «сердце», если только оно сможет открыться божественной благодати. Таким образом, без участия сердца «мысль разрешить» в мире Достоевского невозможно – оставаясь же в автономном уме, «идея» будет «мучить» человека вплоть до смерти.⁵

Этот анализ значения слов старца Зосима у О.А. Богдановой сразу ретроспективно напоминает нам известный отрывок из письма семнадцатилетнего Достоевского брату Михаилу: «Познать природу, душу, Бога, любовь... Это познаётся сердцем, а не умом [...] Ум – способность материальная [...] душа же, или дух, живет мыслию, которую нашёптывает ей сердце [...] ум человека, увлекшись в область знаний, действует независимо от чувства, следовательно, от сердца» (*ПСС* 28, 53-54).

Здесь как будто вдруг совсем неожиданно выступает юный исихаст Достоевский. Это высказывание юного Достоевского, как правило, характеризуется результатом влияния Шиллера или Паскаля в контексте европейского романтизма. Вряд ли без какого-либо потенциального фундамента семнадцатилетний юноша случайно мог бы высказать такую глубокомысленную, антропологическую идею, касающуюся принципиальной сердцевины исихазма, т.е., «умного делания».

Тому, что Достоевский в детстве, отрочестве и юности был духовно воспитан и образован в традиционной культурной обстановке, свидетельствует ряд биографических фактов, эпизодов в воспоминаниях; начиная со значения Евангелия, в частности, Книги Иовы для мальчишечьей души, воспроизведённого в беседе старца Зосимы в *Братьях Карамазовых*; рассказа о мужике Марее в *Дневнике писателя*; ежегодного посещения Троицкой лавры с матерью (по воспоминанию А. Достоевского).⁶ Это подтверждается и домашними традициями: старшие братья Достоевские до пансиона учились Закону Божию и другим предметам у домашнего учителя, дьякона И.В. Ханиковского из Екатерининского института, сестра няни Алены Фроловны, монахиня Коломенского монастыря, часто гостила в доме Достоевских.

⁵ Там же, с. 34.

⁶ Андрей М. ДОСТОЕВСКИЙ, *Воспоминания* (Москва: ГРАФ, 1999), с. 50.

По Сергею Фуделю: «Достоевского с детства питало именно монастырское христианство России – душа народа, всё его светлое и самое далёкое от византийского лукавства и внешности».⁷ Достоевский в 1870-х гг., ретроспективно неоднократно сообщает корреспондентам, что он знает русский монастырь «с детства» (Майкову, *ПСС* 29; 18), «превосходно» (Страхову, там же; 112), «в этом мире кое-что знаю» (Каткову, там же; 142).

Фудель также обращает внимание на отрывок из Дневника писателя 1877 года по поводу популярности *Четы-Миней* среди народа; «я сам в детстве слышал такие рассказы прежде еще, чем научился читать. Слышал я потом эти рассказы даже в острогах у разбойников, и разбойники слушали и вздыхали» (*ПСС* 25; 215).

Дальше Фудель, с сомнением относясь к общепринятой интерпретации вышеуказанных слов юного Достоевского по поводу преимуществу сердца в познании в контексте русского романтизма, конкретно говоря, влияния дружбы с романтиком Шидловским, отмечает: «Но не ближе ли истоки этой мечты о преображении искать на горе Преображения?»⁸, т.е. здесь Фудель намекает на исихастскую основу слов юного Достоевского. Если принять ретроспективный подход к жизни Шидловского, намёк Фуделя был бы справедлив.

Шидловский, бывший чиновник финансового министерства, горячий романтик, увлечшийся немецким романтизмом в то время, когда юный Достоевский общался с ним, занимался изучением церковной истории, как герой повести *Хозяйка* Ордынов, в то же время жил бурно свободной, страдающей внутренним разладом жизнью. Итак, Шидловский, можно сказать постфактум, тогда ориентировался на жизнь монашескую, по всей вероятности, исихастскую, что подтверждается ретроспективными сведениями в 40-х гг. После кратковременного горячего общения и разлуки с Достоевским, Шидловский уехал на родину в Харьков,

дома он занимался какой-то большой работой и говорил, что готовит Историю Русской Церкви. Но научная работа не могла всецело поглотить его душевную деятельность. Внутренний разлад, неудовлетворённость всем окружающим – вот предположительно те причины, которые побудили его в 50-х годах поступить в Валуйский монастырь. Не найдя, по-видимому, и здесь удовлетворения и нравственного успокоения, он предпринял палом-

7 Сергей И. Фудель, *Наследство Достоевского* (Москва: Русский путь, 1998), с. 46.

8 Там же, с. 53.

ничество в Киев, где он обратился к какому-то старцу, который посоветовал ему вернуться домой в деревню, где он и жил до самой кончины, не снимая одежды инока-послушника.⁹

В последний раз фигура Шидловского была представлена в мемуарах: он проповедует Евангелие народу на улице,¹⁰ т.е. ведет жизнь “монашества в миру”, свойственную учению исихазма, которая предшествует будущей жизни Алёши Карамазова.

В связи с научной работой Шидловского над историей русской церкви следует отметить: «в 1846 г. в Санкт-Петербургской Духовной Академии был введен курс аскетического богословия». Это событие считается «“Открытием” исихазма учеными православной Империи», которое «обусловлено происшедшим в эпоху митрополита Московского Филарета (1782-1867) поворотом русского богословия к истокам церковности и общими сдвигами в русской духовной жизни».¹¹ Ученый отмечает, что ещё до «Открытия» идеи исихазма были хорошо известны в православии:

Имена преподобных Сергия Радонежского, Нила Сорского, Паисия Величковского, Серафима Саровского, Феофана Затворника и многих других менее известных отечественных подвижников благочестия дают ясное представление о степени усвоения духовных плодов исихазма в среде русского народа [...], самая практика умного делания давно уже получила распространение на Руси, [...] ведь исихастская традиция является жизненным нервом Православия.¹²

Эти сведения исследователя прекрасно согласуются с вышеприведёнными “ретроспективными словами” Достоевского о знании народом *Четви-Минеи* и жизни русского монастыря.

Таким образом, в 40-х гг. духовно близкий Шидловскому Достоевский не случайно вводит в повесть напоминающий друга образ Ордынова, за-

9 Михаил П. АЛЕКСЕЕВ, *Ранний друг Ф.М. Достоевского* (Одесса: Изд-во МСМХХІ - Всеукраинское Гос. изд-ство, 1921), с. 6.

10 Там же, с. 8.

11 Прот. Олег КЛИМКОВ, “Опыт безмолвия: человек в мирозерцании византийских исихастов” – гл. 1-1 (<https://azbyka.ru/otechnik/molitva/isihazm-annotirovannajaibliografija/1>); “Изучение исихазма в русской литературе до 1917 г.”, с. 15 (https://azbyka.ru/otechnik/molitva/opyt-bezmolvija-chelovek-v-mirosozertsanii-vizantijskih-isihastov/#o_5).

12 Там же.

нимающегося церковной историей. Но в тот момент выполнить задачу – написать историю церкви – Ордынову, также как Шидловскому, не удалось. По этому поводу в повести писатель даёт символическое и многозначительное описание Ордынова:

В нем было более бессознательного влечения, нежели логически отчётливой причины учиться и знать, как и во всякой другой, даже самой мелкой деятельности, доселе его занимавшей. [...] Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его уже мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенной в новую, просветленную форму, и эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность её: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далёк, может быть, очень далёк, может быть, совсем невозможен! (ПСС I; 266).

Здесь рассказывается, вероятно, о зарождении идей, связанных с ориентацией на религиозность и антропологию исихастского православия, отчётливо оформленной в последний период жизни писателя, в 70-х гг. и полностью развернувшейся в романе *Братья Карамазовы*, а пока эта идея остаётся зародышем, составленным из амальгамы с примесью элементов разного рода народных преданий и сектантских и раскольнических верований.

Кстати говоря, примечательно, что на протяжении всего XIX века мнения об исихазме даже среди авторитетов православия были нестабильны – исихазм часто считался “сектантским” мировоззрением. Для сведения: «даже в оригинальных изданиях православного государства сторонники св. Григория Паламы (память которого, кстати, Русская Православная Церковь празднует два раза в год) именовались не иначе, как “сектой исихастов” или “сектой паламистов”» (курсив мой – Т.К.).

Считается, что такое неоднозначное историческое положение исихазма нашло отражение в повести *Хозяйка*. По-моему, для анализа этой уникальной повести необходимо, и это будет плодотворно, использовать ретроспективный подход. Конкретное развёртывание этой работы ожидает другого случая.